

• • •

Как здорово морозным утром серым

прийти домой, а там никто не ждет,

никто тебе не капает на нервы

и лапочкой своей не назовет.

Не надо улыбаться беспрестанно,

о чем-то бесконечно говорить,

а можно просто поваляться в ванной,

в кастрюльке чай лениво заварить.

Потом, не расправляя одеяла,
улечься спать, чтоб, если вдруг стишки
заглянут в дверь, я к ним скорее встала
и подала две дружеских руки.

Меня жалеют мама и подружки,
но мне жалеть не стоит ни о чем.

Мои неоспоримые игрушки -
мои стишки, спокойствие и дом.

Вятке

Не сумею уже возвратиться

в город мой, быстротечный и ленный,

где событием кажутся птицы,

что сидят на обшарпанных стенах

белой церкви,

где тихая речка

огибает колдобины парка,

и не встретишь ты здесь человека,

чтоб тебе его стало не жалко.

Человечек смешной, неуклюжий,..

смотрит в землю

и бродит в потемках,

и не важно - по листьям, по лужам,

свой пиджак предварительно скомкав.

Бесконечные сумки, пакеты,

по карманам – бумажки, манишки.

Он живет, будто не было лета,

будто вышел из чеховской книжки.

Все о чем-то молчит - рассуждает.

Да, мечтал... Но теперь не мечтает.

В этом городе тянет ко сну

ранним утром самую тишину.

Коммуналка

Живём теперь в замшелой коммуналке.

(Обидно и отчаянно слегка!)

На кухне тают синие огарки,

лохмотья тины лезут с потолка.

И носится вода по черным венам,

и рыжий пес печально хмурит бровь,

и бьёт сосед по наболевшим нервам,

пластинку затевая про любовь.

Смеемся, плачем,.. любим — в коммуналке

и на зарю посредственно глядим,

в чаду кастрюль гутарят кашеварки,

сантехник Веня и прораб Вадим.

Таращится неволью фортепьяно

на их чудную, дружную семью,

а я писать теперь иначе стану:

себя в себе нечаянно сменяю.

И перейду

к громоздкой,

грозной

прозе!

Такое вдруг случается в стихах!..

Когда в какой-то слишком сильной

дозе

дают реальность

тем, кто в облаках

по лености, по глупости витает

и не желает знать, что жизнь слегка

то ад, то рай, то бред напоминает,

а то — паденье тины с потолка.

ДОМУ

Меня пленило облако покоя

такой неотвратимой высоты,

что кажется - дом несся над рекою,

а где-то там, над домом, несся ты,

что все вокруг кружилось и смеялось,

но называлось тоже тишиной,

что я одна над миром оставалась,

но ты над миром тоже был со мной.

А дом?.. А дом?.. Он две руки подставил -

две комнаты, чтоб я за них взялась.

Он тоже улыбался и лукавил,

он несся вдоль сугробиков, смеясь,

и вдоль змеи - во льду затихшей речки,

от всяческих раскаяний и бед,

а на его заснеженном крылечке

был мой и твой едва застывший след.

Дом был в восторге, что к нему явились,

что так, с лихвой, в нем огоньки зажглись,

что удивившись, так в него влюбились,

в его покой и простоту, и жизнь,

что даже книги серые на полке,

что даже гулкий звон уставших стен

рождали неожиданно и колко

неведомое чувство перемен.

И хорошо мне жить в ожившем доме,

лишь прыткости его боясь слегка,

под звоны ветра покоряться дреме

и легкому: "Ну ты поспи, пока!"

...Пока-пока по миру дом летает

и нет предела звучной тишине.

Пока на кухне чайник остывает,

но, остывания, помнит обо мне.

Забытому дому

Мне каждую ночь снятся странные сны.

В них дождь барабанит по брошенным стенам,

то в брошенных стенах звонарь зазвонит -

как в колокол дробь, ударяя по венам

дощатого дома. В нем двадцать окон,

как двадцать никем не замеченных жизней.

И бьются дождевики о серый поддон,

и ржавые трубы глядят с укоризной.

Но в сломанной крыше зияет кружок,
в нем смятые простыни чьей-то постели,
и вдруг из щелей проступает лужок,
и детские с гулом несутся качели...

Там курит мужчина, стоит во дворе,
там женщина вяжет на серой скамейке.

Тот дом разрушается прямо во мне
и в клетках его не поют канарейки.

Тот дом растворяется, временем сшит,
и временем будет когда-то развенчан.

Громадина дома сегодня молчит,

в нем нет ни мужчин, ни качелей, ни женщин.

Есть адрес у дома. Зайди погляди,

когда на вечернюю выйдешь прогулку,

за Ветошным нынче стоит переулком,

за домом 13, и храм впереди.

НОЧЬЮ

Не возвращаются оттуда

и не приходят невзначай.

Меня срубила хворь-простуда...

Я ночью пью зеленый чай.

Я ночью за окно глазею,

меня смущает тишина,

что по заснеженной аллее

бредет лишь мерзлая луна.

Давно не слышатся машины,

но хочется поговорить

с притихшим псом, с уснувшим сыном,

с тем, кто не смел меня любить.

Открыть окно и в одночасье

пустить и холод. и жару

такого маленького счастья:

пропасть в оконную дыру.

Неважно, что еще случится

и почему произойдёт.

Как жаль, что мне теперь не спится,

а вовсе не наоборот.

"Не поеду ни в Лондон, ни в Вислу..."

Не поеду ни в Лондон, ни в Вислу,

а, быть может, вообще никуда,

я над городом этим повисла,

как застывшая в небе вода.

Я над городом этим повисла,

точно облако в мраке ночном.

Стала серой, невзрачной и кислой,

но не той, что вам нравилась днем.

По земле - то ветра, то метели,

по Москве – чернота там и тут,

будто древние башни и ели

в позапрошлых столетьях живут.

Не сумею дождаться ответа,

но мне больше не нужен ответ:

почему пролетевшее лето

принесло столько хворей и бед?

Столько жгучих звонков нежеланных,

но беззвучных желанных звонков?

Столько встреч бестолковых и странных,

точно звон от чужих каблуков,

застучавших на лестнице длинной...

Не понять: то ли вверх, то ли вниз?

И зачем по примете старинной

эти звуки в сознание взялись?

Видно, жизнь отмотала пластинку

и заводит другую опять.

Видно, кто-то меняет картинку,

чтобы сердце мое поменять.

Я устала быть бабой гламурной

Я устала быть бабой гламурной.

Я скажу даже чуточку боле:

мои красные ногти и пудра -

это признак не дурасти - боли.

Моя челка с извилистой кромкой -

не каприз, а изломанность судеб.

Моя вечная тяга к потемкам

меня скоро возьмет и погубит.

И долой все паденья и взлеты,

все мои «Мой прекрасный!.. Конечно!..».

Жизнь такие дает повороты:

не захочешь – запомнишь навечно.

Жизнь такие дает развороты,

что себя, точно старую куклу,

ощущаешь вдруг за поворотом

в ожидании сотого дубля.

Я, когда меня больше не видят

ни толпа, ни родные в кавычках,

начинаю себя ненавидеть,

вытекая из рамок привычных.

Одеваю пальто поскромнее,

старый свитер, в зацепках и грубый,

и иду по засохшей аллее -

не на прежние встречи и в клубы.

Мне так страшно! Так грубо! Так больно!

Впрочем, хватит об этом!.. Довольно!..

Ни к чему мне теперь перемены:

снова в жизни, как в облаке сцены,

я играю гламурную бабу.

До весны доиграть бы хотя бы!

Александра Ирбе, московская поэтесса, член МГО Союз писателей России

<http://svgbdvr.ru/tvorchestvo/stikhi-ot-aleksandry-irbe>